

МОЯ БИОГРАФИЯ

Продолжение, начало в №12, 2012 г.

Леонид БОГДАНОВИЧ

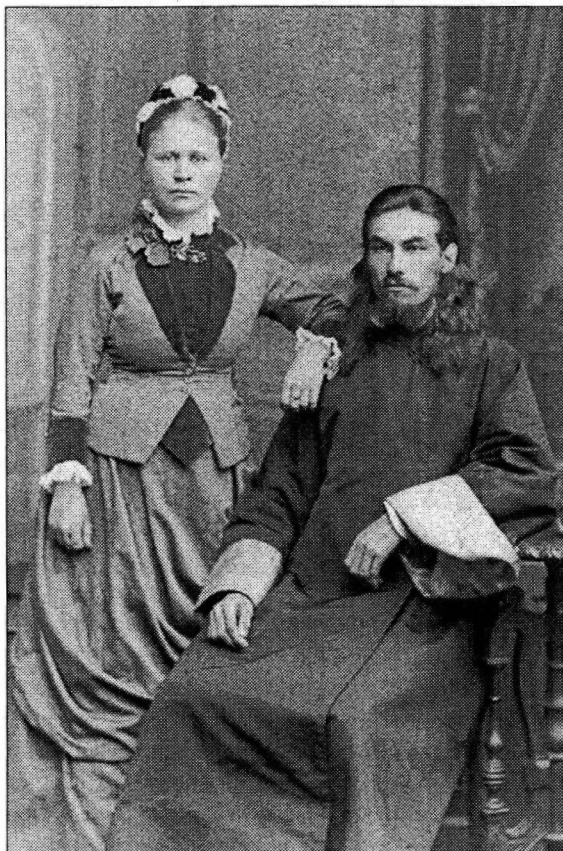
Часть вторая

Я – ученик
Смоленской семинарии

При слушании семинарского курса наук мне плохо удавалось изучение древних языков. Причина этого очень простая: я не знал самой основы – грамматики, которая изучается в училищах. Мне следовало снова изучать грамматику, а для этого нужно было удобное и свободное время и охота, я же не имел ни того, ни другого. А потому, хотя я и из всех сил учил уроки по древним языкам, но мои труды были безуспешны. Не выразить, кажется, словами, сколько потратил я бесполезно времени на долбление греческих и латинских переводов из проклятых классиков! А сколько страданий и мучений перенес я? Сколько слез пролил я втихомолку? Я не хотел думать о том, чтобы оказаться хуже своих братьев. А потому каждая малейшая неудача тяжело ложилась мне на сердце, туманила мою

голову и заставляла задумываться подолгу – даже до болезни. Для изучения других предметов мне оставалось самое короткое время; иногда даже я ограничивался только одною переменою урока или 15-ю минутами. Но что же можно сделать за 15 минут – особенно из математики? Забывал я свою грусть и печаль только тогда, когда писал сочинения. Писать сочинения было и есть мое любимое занятие.

Наконец дотащился я кое-как до 3-го класса семинарии. При переходе в него я получил переэкзаменовку по греческому языку. С тяжелым чувством поехал я домой на вакацию. Ну, думаю, видно на роду мне написано страдать!

Леонид Парфенович Богданович с женой Анной Васильевной, урожденной Белавенцевой. Первый год супружеской жизни, 1885 г.

По приезде домой, я вздохнул свободнее. Заниматься греческим языком я начал только с середины вакации, а до того времени гулял, т.е. я хотел гулять, на деле же этого не выходило. Пойду ли я в лес, а сам думаю: что же я болтаюсь? – ведь у меня же передержка есть; сяду ли читать какую книгу, передержка снова застучит мне в голову и забарабанит как какой-либо сторож, давая знать, что она существует и караулит меня. В гости к знакомым я ходил очень редко: мне казалось, что про мою передержку знают все знакомые и при всякой встрече со мною они осуждают меня и смеются надо мною. И хотя я не считал себя виновным, во всяком случае,

совестился всякого встречного и всегда искал и предпочитал более уединение.

29-го июля совершенно неожиданно Бог поразил наш семейный дом несчастьем: в ночь под это число умерла жена моего брата Александра. Из Юхнова прискакал вес-

товой, равнодушно почесывая затылок, подал он телеграмму, извещавшую о несчастьи. Отец, ошеломленный горем, не находя никакого исхода, с телеграмкою в руках бросился в угол под образа и там упал; мать, ломая руки, горько плакала; брат Владимир, в то время гостивший у нас, неподвижно стоял посреди комнаты и как будто не понимал, что случилось. Да нелегко было и мне. Состояние было ужасное!.. Как пробитый насквозь гвоздем стоял я, прислонясь к печке. Броситься, думаю, утешать? – Но нужно ли это – и возможно ли? Нет – пусть будет, как будет!.. Наконец отец немного опомнился, и было решено тотчас же ехать ему вместе с Володею в Неразлучное, где был священником Александр.

Из Неразлучного брат Володя хотел ехать домой в Смоленск, так как срок его каникул кончился, но Александр не пустил его. «Брат, – сказал он, – ты меня венчал, ты же меня и развенчай». Владимир снова вернулся в Климово. Но

предварительно в Климово была прислана телеграмма, извещавшая, что тело покойной прибудет в село через два дня.

Приехали и отец, и братья Владимир с Александром, убитым горем окончательно: он то истерически смеялся, то плакал. Наступил вечер – и он закричал как раненый. Да, он действительно был ранен и ранен тяжело!.. Смерть жены представлялась ему во всем ее могуществе, и она поразила его. Он начинал только жить и избрал себе в помощники по сердцу друга, а смерть внезапно, безжалостно отняла у него этого друга. А как жить-то хотелось ему, как жаждал он счастья и любви! И вот в одну

какую-либо секунду все надежды, все мечты рухнули, пали в вечность безвозвратно!.. Впереди представлялось ему бушующее море, клочущие волны которого то и дело грозят опасностью! О, Господи! что только я почувствовал в то время из-за несчастного брата! Я с радостью согласен был лечь живым в могилу, лишь бы только доставить ему счастье и покой, лишь бы только избавить его от страданий, какие достались на его горькую долю!

Прошло два месяца, и Саша уехал в Петербург. Его неумолимо просил приехать в Петербург шурин. Развлечение убитому горем было полезно, оно служило ему лекарством, а потому поездка брата Саши была одобрена всеми родными.

Я – ученик 3-го класса семинарии

Окончилась вакация, и я уехал в Смоленск. Через три дня по приезде я отправился в класс на передержку и счастливо сдал ее. Наступил опять учебный год; снова началась работа и забота. Скажу, что в этом классе я почти не заботился о греческом языке, тут у меня были другие заботы. По гр. языку я никогда не получал больше и меньше (3) тройки, может быть, это зависело от требований наставников. Но я сейчас изложу вкратце эти требования.

В Смоленской семинарии два наставника по греческому языку – Березкин и Замятин. Первый при преподавании обращал более внимания на пересказ, требуя дословного перевода каждой частицы. Переводят ученики у него помногу, и это достается некоторым очень трудно. Урока этот наставник не назначает, а ученики сами должны переводить по своему усмотрению сколько нужно. У другого – на первом плане грамматика. Он назначает переводить очень мало, но зато требует грамматического разбора почти каждого слова. При этом он в каждом классе в начале года заставляет учеников повторить всю грамматику.

[страницы утрачены] ... умер дорогой брат Владимир для земной

**Спасо-Преображенский Авраамиев монастырь,
где располагалась Смоленская семинария**

жизни и уже никогда не возвратится назад... Кто бы мог подумать из знакомых отца Владимира, что он скоро умрет? Да, и удивительно было бы, глядя на него, подумать о смерти. Он имел 30 лет от роду, здоров, свеж, собой хорош, румянец во всю щеку, осанка княжеская – ну, одним словом, молодец. И вот этот молодец умирает, оставляя на произвол судьбы молодую жену с четырьмя малолетними детьми сиротами. Не могу выразить того моего состояния, какое чувствовал я, глядя на убивающуюся жену покойного брата, на старика отца, покрытого сединой... Чтобы знать такое состояние, нужно испытать его, иначе оно не понятно, да и слов для выражения его не существует...

Между тем подошли Рождественские каникулы, но о них я не думал, и нерадостно встречал я отпуск. Я видел горе, и мне хотелось плакать; больше этого я ничего не видел, да, признаться, в то время и не хотел видеть... По желанию отца и других родных я остался на Святки в Смоленске, якобы для утешения несчастной сестры. Обязанность тяжелая, и я не всегда выполнял её: у меня не было сил, мне самому нужно было утешение...

Наступили Святки. С раннего утра и до поздней ночи ходил я из угла в угол по комнате, как будто какой неприкаянный, а у самого что-то жгло и ныло в груди; мысль

примиряла прошедшее с настоящим и в безмолвии склонялась пред будущим. А там, в другой комнате, горячими слезами оплакивала свою горькую судьбину сестра... Две недели показались мне за два года.

Окончились каникулы, и наступило опять учебное время. После Святки на место покойного брата Владимира перешел мой второй брат Александр – вдовец. Теперь сделаю отступление и опишу один факт, произошедший со мною на последней трети, перед самыми экзаменами. Берусь описывать этот факт потому, что до него в моей жизни со мною не произошло ничего особенного.

Я квартировал у Льва Абрамовича и его жены Марьи Никитичны. После Святки я переменил квартиру: перешел на Авраамиевскую улицу в бывший дом покойного брата Владимира. Этот дом купила некая госпожа Вавилова. Вот к этой-то Вавиловой я и поступил на квартиру. Что ж, думаю, переходя на новое местожительство, дом мне знакомый, хозяйку я тоже знаю – кажется, она ничего? Словом, квартира представлялась мне со всеми удобствами. Главное достоинство – близко от семинарии. Перехожу. В мое распоряжение за 9 руб. в месяц предоставляются две комнаты с прекраснейшим столом (пищей и питием). Во, думаю, попал в царство небесное!.. На второй день

моего переселения г. Вавилова предложила мне за хорошее вознаграждение репетировать ее маленького сына – по прозвищу Юриньку. Я не отказался и вступил в должность. Живу спокойно день, живу другой; прожил бы, может быть, так и более, если бы не нарушили моего спокойствия.

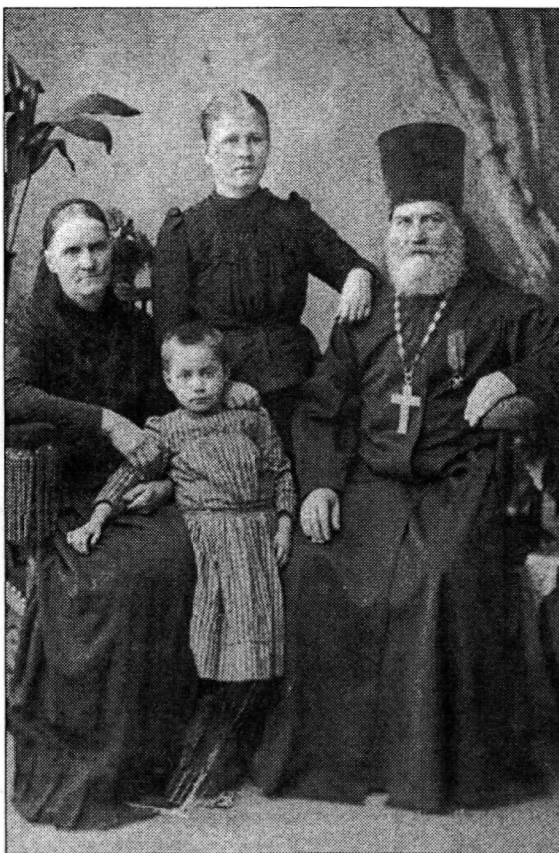
В одно прекрасное время вбегает в мою комнату Юринька и передает мне от своей мамы просьбу немедленно пожаловать к ней. Я попросил Юриньку передать его мамаше, что с удовольствием исполню ее просьбу. Юринька удалился, а я начал надевать суконный сюртук. Между прочим думаю: за чем бы это за хорошим звала меня хозяйка? Наконец являюсь в покои высокочтимой мною г. Вавиловой.

«Владимир Егорович, – говорит хозяйка, – желает Вас видеть и познакомиться с Вами!» Какой такой, думаю, Владимир Егорович?

«Вы пожалуйста, – продолжает она, – в спальню: он у меня больной и скучает; а вы развлеките его разговором». При этом она отворяет дверь в спальню и приглашает меня войти.

Признаться сказать, я вовсе не желал принимать на себя в то время какую-либо обязанность – особенно же по части развлечения других, да еще больных. Я не слишком-то словоохотлив; впрочем, бываю иногда таким – только по временам, а в то именно время у меня и не было этого качества. Но делать нечего – вхожу и вижу: на железной кровати лежит человек худой, как смерть, и желтый, как охра. Переступил я порог – и не знаю, что дальше делать. Уж до того поразил меня своим видом Владимир Егорович, что я и не нашелся что сказать. Но к счастью моему, эта олицетворенная смерть сама вывела меня из затруднения.

«Садитесь, пожалуйста, на стул, – заговорила смерть, – вот здесь, возле меня! Я отставной полковник Владимир Егорович Терехов. Вот

Протоиерей Василий Матвеевич Белаенцев (служил в Смоленском кафедральном соборе, Вознесенском женском монастыре) с женой Евдокией Александровной (ур. Чанцовой), дочерью Анной Васильевной (вышла замуж за Леонида Богдановича) и внучкой Анной (дочерью Анны и Леонида), 1897 г.

всё лечусь, а толку нет; хочу теперь ехать на Карлсбадские воды. У меня, знаете ли вы, – продолжает, то и дело привскакивая на постели, – у меня, у меня... желчь разлилась по всему телу; нужен опытный медик, чтобы восстановить опять мое здоровье, а здесь – в Смоленске – таких докторов и не заводилось; здесь только любят деньги брать, а пользы никакой не приносят. Нет! непременно уеду за границу!» – кричит уже Владимир Егорович.

Я попытался, было, предложить один вопрос г. Терехову касательно его болезни. Но он, по-видимому, и не обратил внимания на мой вопрос. Он любил говорить, но не любил слушать. Затем он стал рассказывать, как ездил в Турцию во время Русско-турецкой войны, какие привез он редкости из Бер-

лина, каких красивых женщин видел он в Италии, и т.д., и т.д. Всё говорил и говорил до тех пор, пока, наконец, устал. А мне слушать его речи было тошнее Демьяновой ухи.

«Я, кажется, г. Богданович, надоел вам своею болтовней?» – обратился он ко мне с вопросом.

– Нет, ничего, – отвечал я сквозь губы, – но мне некогда.

«В таком случае вы можете идти, – сказал он, – я не желаю вас стеснять». Говоря эти слова, он сердился – должно быть, на меня. Но с этого же времени я стал постоянным гостем Терехова: он присылал Юриньку за мною ежедневно.

Владимир Егорович Терехов – уроженец Варшавской губернии; молодые годы свои он прожил в Варшаве: там он учился, там поступил в военную службу и дослужил до чина капитана, там он, наконец, женился; но брак оказался для Терехова несчастливим: он получил жену на десять лет старше самого себя, вследствие чего почти через два года разошелся с нею и, выбрав в глазах ее себе новую жену – г. Вавилову, переехал с нею на службу в Москву; но вскоре он вышел в отставку и поехал

странствовать по свету. Был Терехов и в Германии, и в Италии, был и во Франции; но когда была объявлена Русско-турецкая война, Терехов снова вступил в Русскую военную службу, а когда война окончилась, Терехов возвратился в Москву уже полковником. Жена (законная) предъявила, было, Владимиру Егоровичу права на совместное сожительство, но Владимир Егорович отверг их. Он снова вышел в отставку и, взяв с собою г. Вавилову, переехал на жительство в Смоленск, предварительно купивши на имя Вавиловой дом. В Смоленске г. Терехов заболел, и в то время, когда я поступил на квартиру в дом Вавиловой, он собирался уже ехать лечиться за границу.

Владимир Егорович выглядел человеком серьезным, расположение

духа он имел всегда хмурое – должно быть, вследствие болезни; но в глазах его, несмотря и на болезнь, виделась постоянная работа серьезной мысли. Он походил по своей медлительности в словах на кабинетного ученого, много лет погруженного в архивную пыль. Впрочем, хотя он был и медлителен в словах, но любил говорить почти без устали. Терехов обладал прекрасным сердцем, значительною силою воли и весьма развитым умом, так что я, сначала отнесшись к нему недружелюбно, впоследствии до того привык и полюбил его ум, что ценил и считал каждое его слово почти за правило для себя. Но довольно о Терехове, я, кажется, и так много наговорил о нем.

Прошли две недели с первого дня переселения моего в дом Вавиловой. На исходе 3-й недели г. Терехов уехал лечиться на Карлсбадские воды, но не доехал до места назначения и в Москве умер. Госпожа Вавилова ездила хоронить Терехова и с похорон возвратилась довольная и радая. Да и чего ж ей было не радоваться? – ей достались во владение два больших дома и огромное состояние (деньги).

Я остался квартировать у Вавиловой. Как уже сказал раньше, я занимал две комнаты – переднюю и залу, в которой находилась и моя спальня, огороженная ширмами. Зала имела 4 окна, которые уставлены были цветами, в углу стоял стол, а около него три стула. Словом, квартира моя была как следует удобна и уютенька. Во время занятий никто из хозяев не беспокоил меня. Я видел хозяйку только тогда, когда отправлялся в столовую обедать, ужинать и пить чай, да еще когда занимался с Юринькою. Но так спокойно и тихо шла моя жизнь только до смерти Терехова, со смертью же его отношения хозяйки изменились ко мне, хотя я вовсе не подавал никакого повода на это.

Хозяйка очень часто начала посещать меня во время занятий. Она то загадает какое-либо дело, то явится с каким-либо вопросом, а то просто придет без всякой причины. Пройдет в мою комнату,

**Кафедральный Успенский собор с Казанской горы.
Фото С. Прокудина-Горского, 1912 г.**

сядет возле меня и ну рассказывать свою биографию: как осталась она сиротой, как добрые люди определили её в Институт, откуда она, проучившись два года, была взята на попечение какою-то, не знаю, богатою барынею и где, наконец, увидел и соблазнил её г. Терехов... Трагедия эта оканчивалась, обыкновенно, слезами. «Он любил меня, – говорила Вавилова сквозь слезы, – и женился бы на мне, если бы не был уже женат». Что ж, думал я в это время, её, должно быть, мучает теперь раскаяние и угрызания совести? Но потом тотчас же мелькнет у меня мысль: с какой же стати она мне-то говорит о своей жизни? Кто я ей – отец что ли? Или еще кто поближе?.. Что за притча такая, думаю? Но чем дальше шло время, тем чаще г. Вавилова посещала меня и тем более просиживала возле меня. Наконец, я не в силах был терпеть ее частых посещений и довольно вежливо высказал ей претензию, выставив на вид главным образом свои занятия. Но получил такой ответ, который сразу решил мне все загадки и недоразумения. «Я, – сказала мне Вавилова, – не буду мешать вам заниматься, я не

буду развлекать вас, я буду сидеть возле вас молча; не лишайте меня этого удовольствия! Я вас люблю!» При этом слове она бросается, как полоумная, ко мне на шею. Я едва только успел отскочить в угол и прижался к стене, как ужаленный змеею. Я и теперь не понимаю, что происходило со мною в то время: кровь ударила мне в голову – и я обезумел. Наконец, опомнился и закричал, что было мочи: вон из моей комнаты, гадина ты этакая! Я ругался несносно, и насколько помню, как попало, да и нельзя было иначе... «Так знайте, – проговорила она, задыхаясь, – я... Я хотела испытать тебя», – и в ту же минуту почти выбежала из моей комнаты. Я хотел было сейчас же поехать к брату Александру и рассказать ему всё до одного слова... Но было уже очень поздно – 10 вечера. Я погасил свечу и не раздеваясь бросился на свою постель и почти целую ночь не спал, раздумывая, как бы вылезти из ямы? На следующий день, не завтракавши и не пивши чаю, отправился я прямо в класс, а из класса пошел к брату Александру и рассказал ему о случившемся со мною происшествии.

Брат посоветовал мне забрать все свои вещи и сейчас же переехать к нему на квартиру.

Назавтра, (в воскресенье), приехал я на квартиру к Вавиловой; с помощью извозчика вынес все свои вещи и отправил его в Ланинскую богадельню, а сам пошел к Вавиловой – рассчитаться за квартиру. Она, как сейчас вижу, когда я вошел, сидела в кресле и вертела какую-то книжку. Не успел я и рта разинуть, как она заговорила:

«Вы переезжаете из квартиры? Что ж – дай Бог Вам святой час! Только я не думала, чтобы Вы так бессовестно поступили со мною: Вы меня оскорбили – и сейчас же должны попросить извинения». Как ни дерзка и как ни несправедлива была претензия Вавиловой, но я не ответил на нее.

«Александра Григорьевна, – заговорил я, а у самого так и скребут кошки сердце, – вы знаете, что я перехожу на другую квартиру? Так я пришел узнать: кто у нас с вами должен заплатить кому деньги?».

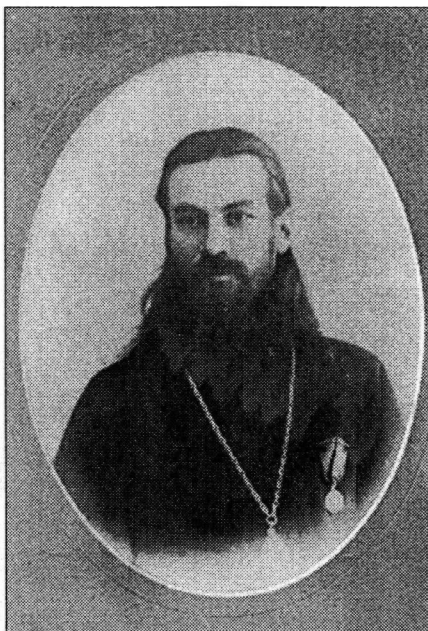
«Не знаю», – сказала она, но потом продолжала: «Слушайте, Леонид Парфенович, вы всё теперь оторвали от меня! Не лишите же меня хоть последней надежды – дайте мне свою карточку!» Мне стало смешно, а отчасти и досадно, что Вавилова меня задерживала.

«Карточек у меня нет», – ответил я.

«Вы только снимитесь, а я деньги заплачу. Одиннадцать карточек ваши, а одна моя. Мне больше не нужно».

Так и ушел я от Вавиловой, не добившись ничего – кроме глупости. Выходя из квартиры, в темном коридоре я чуть не упал, наткнувшись на большую немку, возвращавшуюся с детьми из сада. Такова была развязка моя с г. Вавиловой.

Когда я пришел к брату и рассказал ему о благополучной развязке с Вавиловой, он даже перекрестился, прибавив при этом: «Слава Богу, что ты так скоро убрался оттуда». Но после Александр или же Марья Флоровна частенько-таки подсмеивались надо мною, что доставляло мне немалую досаду. Больше всего я боялся, чтобы Вавилова не оклеветала меня перед начальс-

Леонид Парфенович Богданович – священник села Климов-Завод Юхновского уезда Смоленской губернии

вом. Она хорошо была знакома с семейством Ивана Петровича Сперанского и часто хаживала к нему.

Я перешел на квартиру в Ланинскую богадельню перед самыми экзаменами, но скоро уехал домой. Экзаменов я не захотел держать потому, что чувствовал опасность. Брат выхлопотал мне свидетельство о болезни, я подал его ректору и получил отпуск. Значит, я остался в 3-м классе на повторительный курс. Положение мое было самое проклятое, а потому, конечно, уже не привлекательное. На вакации я, хотя был свободен, но сильно скучал. Бывает время, когда и свобода кажется тюрьмою, когда и радость приводит в уныние.

Но вот прошла вакация, и я снова поехал в Смоленск. В октябре месяце брат Александр уехал навсегда из Смоленска. Он поступил в С.-Петербургскую Духовную академию. По уезде брата, градский голова Энгельгардт предложил Марье Флоровне приискать себе квартиру в двухнедельный срок. Сколько слез пролила бедная Марья Флоровна, не зная, куда броситься и на что решиться. Я тайком, как голодный волк, рыскал по всему городу, разузнавая квартиры на всякий случай. Брат Александр письменно

просил градского голову и Ланина не отказывать в квартире Марье Флоровне, хоть до его приезда, до весны. Просьба брата была уважена, и М. Флоровне дозволено было занять две комнаты во втором этаже богадельни, где помещается она и доселе.

Старший сын Марьи Флоровны достаточно подрос, и я начал готовить его в гимназию.

Я жил один, вдали от товарищей. Марья Флоровна не разделяла, да и не могла разделять моих мыслей. У нее было свое горе. Уединенный образ жизни очень вредно действовал на меня. Я боялся, как бы не сделаться ипохондриком. На меня стали находить такие минуты, в которые я не рад был и жизни. Для чего жить, думал я, когда не предвидишь в жизни ничего хорошего? Когда она горька, как полынь? Кто знает, может быть, убьешь все силы, а цели, к которой стремишься, не достигнешь? – придется, может быть, посмотреть на жизнь только издали! Вдруг мне представится смерть во всем ее бесконечном могуществе – и мне станет страшно. Нет, но думаю я, лучше мучительная жизнь, чем смерть. Смерть тиха, покойна; но этим покоем и забвением всего она и страшна. Стиснешь зубы и губы – и горько, горько заплачешь... Быть может, другому человеку такое состояние покажется глупым и даже невозможным. Но я, наверное, знаю, что человек, испытавший в своей жизни столько бедствий и потрясений, сколько пришлось перенести мне, никогда так не подумает. Мне кажется, что я могу быть понятным и получить сочувствие только от подобного себе, потому что чужому горю и чужой радости только и может сочувствовать тот, кто сам испытал горе и радость.

Я заболел расстройством нервов, но скоро обратился к трем опытным врачам и получил от них исцеление. От родителей я скрывал свою болезнь и на лекарство никогда не просил у них денег. Мне в этом отношении помогал брат Вадим.

Конец 2-й части.

Продолжение следует.

МОЯ БИОГРАФИЯ

Окончание, начало в №12, 2012 г.; №1, 2013 г.

Леонид БОГДАНОВИЧ

Часть третья

Смерть брата Александра

На последней трети перед самыми экзаменами 17-го мая 1883 года умер дорогой мой брат Александр. Это новое горе до того поразило меня, что у меня нет и слов для выражения его... Я не мог в то время ничего сообразить. Я боялся за своих родителей, за их без того уже надломленное старое здоровье. К экзаменам, наступившим вскоре, я положительно не готовился. Но неудачный исход экзамена по греческому языку заставил меня несколько опомниться. Я имел годовой балл по этому предмету (3) три, а на экзамене получил единицу. Дикий зверь, учитель греческого языка — г. Березкин, не имел ко мне никакого сострадания. Да я еще и теперь нахожусь под сомнением, способен ли он быть к кому-либо сострадательным? Это человек в высшей степени любящий поклоны и пресмыкательства. Кроме единицы, которую я получил от него в подарок на экзамене, он нанес мне еще несколько самых язвительных оскорблений и укоров. Благодаря отцу, который еще с детства внушил мне какое-то благоговение ко всякому начальству, я удержался от ответа на дерзость учителя, хотя от меня в тогдашнем положении и можно было ожидать его. Слова: «Никогда в жизни не наноси никому оскорбления, потому что это незаконно, и что дерзость кроме вреда ничего не принесет» не покидали меня никогда. Впрочем, легко может быть, что я как обиженный и неверно отзывался о г. Березкине. Предоставлю судить этот факт другим. Остальные экзамены кроме гр. языка сошли для меня благополучно. Во 2-й половине июня я уже был дома. Теперь я ученик IV-го класса семинарии.

Этим следовало бы закончить мне свою биографию; но сомнение в том, что я не в состоянии был выразить то, чем хотел достигнуть желанной цели, побуждает меня сделать маленькое добавление к своей биографии,

побуждает меня изобразить себя таким, каков я в настоящее время, то есть каким сделали меня жизненные условия в моем развитии. А затем желание высказаться совершенно, желание выразить не только то, что было, но что я желал бы иметь и в будущем, побуждают меня выразить на этот счет мои убеждения, желания и мечты, которые очень легко могут быть и неверными и несбыточными, тем более, если взять во внимание, что я один из тех смертных людей, которые не лишены умения ошибаться.

Заключение

Я человек, можно сказать, почти психически больной. Высшей степени раздражительный и до крайности мнительный — я положительно не могу примириться с различными жизненными явлениями, окружающими меня на каждом шагу. Минутами я испытываю такое состояние, которого и сам не могу с точностью определить. Каких только чувств, каких мыслей не роится тогда в моей голове! То, вдруг, мне захочется поплакать, та на одно мгновение блеснет какая-то безотчетная радость, то, наконец, злоба закопшится в моем сердце, мести захочется и еще непонятное какое-то чувство... То вдруг невольно мысль унесется куда-то далеко-далеко!..

Естественно, что такое безотчетное состояние, быстрая смена впечатлений являются вследствие сильных жизненных потрясений. По крайней мере, так мне кажется. Частое повторение такого состояния до того может укорениться в душе, что обращается даже в постоянное настроение. Но нужно заметить, что чем душевные настроения бывают сильнее, тем они легче и скорее возбуждаются. Как только вспомнится какое-либо грустное происшествие, ранее поражавшее сердце, тотчас же душа наполняется слезами... появится бесконечный ряд впечатлений, сменяющихся одно другим, появится ряд воспоминаний о прошедшем, сопровождавшем это происшествие.

Фантазия живо рисует и придает самый траурный вид этим воспоминаниям и переносит их в будущую жизнь. Наступают, наконец, так называемые душевные или сердечные движения; эти последние, сообразно с своим происхождением, проявляются в различных печальных минах и затем в радостные воспоминания. Но с радостными впечатлениями я меньше знаком, а потому не могу говорить о них с такою уверенностью, с какою говорю о печальных. Мне нередко приходилось слышать рассуждения по поводу людей с мнимо-ипохондрическим состоянием. Толкуют различно. Один называет душевное состояние, которое я описал выше, неизлечимую психическую болезнь. Другие, наоборот, называют такое состояние просто-напросто дурью, которую насколько можно легко напустить на себя, настолько нелегко можно и оставить. Я не признаю ни той, ни другой крайности, а выбираю золотую середину. Я признаю человека с всегдашним возбужденным состоянием, как бы раздражением, за временно душевнобольного. Его можно сравнить со струною, натянутою на гитаре, приятно издающей звуки, нового и здорового, если только человек не старик. Представьте теперь, эта струна будет облеплена воском — свою новизну, свою прочность струна не изменит; изменится только лишь звук ее: из сильного и приятного — сделается какой-то слабый, дребезжащий. Стоит только снять воск — и струна снова сделает такую же, какою была и прежде. Воск, пожалуй, и сам по себе, при благоприятных обстоятельствах, может уничтожиться, но для этого потребуется, может быть, долгое время, а в продолжение этого ожидания благоприятных обстоятельств струна может придти в ветхость и порваться. Нечто подобное происходит и с человеком. Признаки ипохондрического состояния есть не что иное, как дребезжащий звук струны. Естественно, что ипохондрическое состояние не является без причины, потому что нет ничего в мире, появившегося без причины. Всякая причина не только есть причина появления известного предмета и его состояния, но она служит и причиною продолжения этого предмета и его состояния. Стоит только удалить эту причину, т.е. стать

причиною удаления причины, или же поставить равносильную ей причину, чтобы эти две причины взаимно уравновешивались – и предмет, и его состояние должны непременно измениться. Итак, признаки ипохондрического состояния не есть беспричинное явление. А если оно появляется вследствие причины, то вследствие причины может и уничтожиться. Стало быть, болезнь не есть неизлечимая, если найти удаляющую причину болезни или же хотя противоположную, взаимно-уравновешивающую. До полного совершенства далеко, во всяком случае небезнадёжно и не невозможно, иначе как бы понимать слова Иисуса Христа: «Будьте совершенны, якоже Отец ваш небесный»? Да и есть ли что в мире неисполнимое и неизлечимое? Если мы не находим причины для удовлетворения своих желаний, это не значит еще, что мы не можем удовлетворить свои желания. Это значит только, что мы не нашли еще причины. Для человека непостижима только первая причина – Бог, потому что тот выше причины, посредством которой можно бы было узнать Его. Всё же остальное не есть невозможное.

Естественно, что всякий человек, подобно со своим воспитанием, положением и образованием, как одаренный от Бога разумом и свободною волею, при помощи этого ума простирается и всесторонне рассматривает будущую жизнь, чертит в ней планы и при помощи твердой и свободной воли стремится к осуществлению этих планов. Благоприятные обстоятельства придают силы и мужества этому человеку. Жизнь его счастливая и завидная, вполне гармонирующая приятному звуку струны. Представьте теперь человека, которому на каждом шагу являются препятствия при выполнении заранее предначертанных планов. Но человек потому, что он человек, а не скотина, все-таки, несмотря ни на какие преграды, с двойною силою стремится к осуществлению своих планов. С каждым разом как только человек употребляет сил больше дозволенного, он чувствует еще большую слабость. Его начинает мучить сомнение в достижении цели, ему нужна поддержка, а иначе он упадет. Вот он падает!.. лежит... но еще не умер. Вдруг он чувствует, что его коснулась чья-то рука, вдруг он

слышит: друг, тебе немного осталось до достижения цели, напряги еще раз твои силы, авось и достигнешь!.. Ты ведь знаешь, что ты стремишься не для одного себя! Достижения твоей цели и другие ждут и желают и, видя твою борьбу, сочувствуют тебе и не менее, чем ты сам, заботятся о тебе! Друг, напряги еще раз свои последние силы, авось счастье улыбнется тебе, и ты достигнешь цели! А там – сознание того, что ты достиг своей цели, сознание того, что ты успокоил себя и других, что ты превозмог все препятствия, даст тебе в два раза больше сил, сколько ты потерял! Ведь чем больше препятствий, тем больше радости и спокойствия, когда превозможешь эти препятствия. Вот человек как бы пробуждается от сна, становится на ноги, стряхивает с себя усталость и с прежнею силою устремляется к цели. Вот он достиг... Он счастлив!.. Он только сильно устал, но здоров. Дальше он живет спокойно. Победа дала ему мужество и храбрость для будущей борьбы, так как жизнь человека вся состоит из борьбы. Но представим теперь, что человек и с новыми силами не превозмог препятствий, т.е. он не нашел причины для устранения препятствий. Что тогда? А очень просто, что он тогда или упадет в борьбе за смерть, или же, сложив свое оружие, отступит назад. О, прости, прощай тогда, дорогая жизнь!.. Несчастный борец будет ходить тогда по Земле ошупью, без всякой цели донашивая свое брэнное тело. Ни восхищаясь красотой природы, ни пользуясь наслаждением в жизни, он будет таскаться по Земле как слепой нищий, единственная цель которого не умереть с голоду. Он будет таскаться до тех пор, пока не отыщет себе новой цели. Струна гитары – не есть ли человек? – игра ее – не есть ли жизнь человека? – и препятствия в жизни – не есть ли воск, наклеенный на струну, если прибавить при этом, что воск наклеен для того, чтобы узнать прочность струны? Дребезжащий звук струны есть жизнь с волнениями, борьбою и препятствиями. Чистый и приятный звук струны есть жизнь счастливая, исполненная радости, мало того, приводящая к радости даже и других.

Быть может пример, приведенный мною, не приложим к жизни всех людей, а потому рассуждение мое

быть может покажется неправильным. В таком случае я не лишним считаю сказать хотя немного в свое оправдание.

Я пишу биографию не всех людей, а одного только себя. Если же и говорил в своем рассуждении несколько обще и отвлеченно, то это потому, что не хотел себя выделять из числа людей, не хотел быть людским выродком. Каждый человек в своей жизни подчиняется двум законам – общему для всех людей и своему личному. Эти законы также подразделяются на части. Но говоря об этих законах в своем рассуждении, я старался по возможности не смешивать их.

Вся жизнь моя состоит из неравной борьбы с препятствиями. Я вполне подобен вышеописанному мною, падающему в борьбе человеку, которого только невидимый голос поддерживал от совершенного изнеможения. В 3-м классе семинарии я почти окончательно решил, что уже не в состоянии более бороться с древними языками, и хотел выйти из заведения. По выходе из семинарии я думал тотчас же поступить в юнкерское училище. Лучшего же исхода я не знал. Когда же умер брат Владимир, а вместе с ним умерла и последняя надежда в лице его на поддержку в опасности, я еще с большею решительностью стал думать о выходе из семинарии. Между прочим я сознавал, что мой выбор новой цели, к которой я должен был стремиться, вызван был не призванием, а необходимостью. Я сознавал, что я еще мальчишка и что о жизни думать еще не умею. А потому прежде положительного решения я обратился за советом к отцу. Отец очень умно ответил мне. «Спроси у своего сердца, – писал он мне, – к чему оно чувствует призвание. Обдумай – и результат пришли мне. Тогда я посоветую тебе что-нибудь». Но как я мог спрашивать у своего сердца, когда и без вопроса знал, что не чувствую призвания к военной службе? Как я мог обдумывать о том, на что не желая хотел решиться? Вскоре после письма отца мне пришлось видеть брата Вадима, и этот еще более пристыдил меня в моем заблуждении. Он высказал, между прочим, что всякий сапожник по призванию гораздо счастливее генерала без призвания. Не в деньгах, не в ясных пуговицах и не в красивой форме сила, говорил мне брат, а в довольстве жизнью.

Семейное фото Белаенцев-Богдановичей:
в центре – протоиерей Василий Матвеевич Белаенцев с женой Евдокией Александровной (ур. Чанцовой), правее от них – Ольга Васильевна Богданович (ур. Чанцова) – мать Леонида, справа – сам Леонид Парфенович Богданович, слева – его жена Анна Васильевна, вокруг семеро детей Леонида и Анны Богданович.

Я остался на второй курс в 3-м классе и снова вступил в борьбу с древними языками. Совестно даже становится, как подумаешь о языках! У нас в семинарии почти все ученики считают их самой простой из всех семинарских наук. А по-моему языки – самая трудность. Конечно, если судить добросовестно, то мне, быть может, и удалось бы оправдать свое мнение. И даже очень просто. Многих я знал и знаю теперь, даже из своих товарищей, которые очень плохо знают языки, к тому же и не занимаются дома ими; понадпишут книжку и свободно отвечают урок на тройку. Дает ли право такое обстоятельство называть приобретение знания языков делом простым? Впрочем надписывать и свободно отвечать с надписанным переводом можно только по греческому языку у г. Березкина. Попробовал было и я решиться на эту плутню, но первый же раз попался в ней и вместо обычной двойки получил единицу. Во всем, стало быть, нужна хитрость и ловкость.

Другой наставник греческого языка, г. Замятин, всегда верил, что я добросовестно и с усердием занимаюсь по этому предмету и всегда ставил мне тройку. Я хотя и всегда занимался гр. языком, но нехотя. Должно быть, потому, что он не удавался мне. Ставил тройки мне изредка и Березкин. Но не знаю, чем этот руководился: ответы мои были всегда одинаковы.

Оставшись в семинарии, я хотел зарекомендовать себя знанием других предметов и сочинениями; тогда Березкин, думал я, видя мои отметки по другим предметам, будет делать мне снисхождение. Но я ошибся в своих расчетах. На экзамене по греческому языку, при переходе в 4-й класс, несмотря на то, что у меня годовой балл по этому предмету был 3 (три), несмотря на то, что у меня были хорошие баллы по другим предметам, несмотря на то, наконец, что перед самыми экзаменами я был поражен горем – смертью брата Александра, несмотря на всё это Березкин всё-таки поставил мне единицу и дал передержку. На передержке я едва только спасся. Вот подлинные слова Березкина, которые сказал он мне на передержке. Я привожу их без малейшего изменения. «Вы как только получили на экзамене единицу, так пришли бы ко мне и спросили бы, что называется, что мне теперь делать?» Любимые слова г. Березкина. Он употребляет их к месту и не к месту. После передержки многие и из товарищей говорили, что мне нужно было перед экзаменом сходить к Березкину и попросить его... «Не была бы тебе тогда и передержка», – говорили мне товарищи. Этот совет товарищей, как я узнал, основан был на многих примерах. Я описал все препятствия, которые представлялись и представляются мне доселе при

достижении цели. Теперь же скажу, почему эти препятствия заставляли меня страдать даже до болезни.

Цель моя, к которой я чувствую призвание, – быть священником. Эта же цель служит средством и для достижения другой цели – именно для успокоения родителей в старости. Следовательно, я стремлюсь окончить курс не только для себя лично, но и для других. Я знаю, что на меня надеются; убиваю все силы, чтобы оправдать надежду, а тут вдруг, препятствия! Как хотите, но горько и трудно переносить препятствия в подобных случаях.

Доставлять покой родителям в старости есть обязанность каждого сына. И, признаюсь, когда исполнение этой сыновней обязанности легло на меня, я стал гордиться в своей душе. Ах, как приятно было мне слышать хоть только один намек от отца или матери, что они теперь на меня одного надеются. Я считал самохвальством выражать свою радость вслух. Но зато в душе давно решил вдвойне отплатить родителям за дарованную ими жизнь и за их заботу обо мне. Если, думал я, отец и мать делили со мною и свое горе, и свою радость, ничего не скрывали от меня (если то было для меня полезно), если они исполняли мои даже прихоти, давая мне деньги кроме нужд и на гостинцы, то я обязан, как младший, как получивший от них жизнь, как носящий в своих жилах их кровь, – я обязан вдвойне заплатить им за их заботу обо мне. Когда же я исполню свой долг по отношению к родителям, думал я, тогда я буду благодарить Бога, что он помог и доставил мне в жизни счастье и наслаждение; потому что чем другим, если не счастьем, можно назвать исполнение долга? Исполнивши свой долг, я вправе ожидать этого и от своих детей, потому что примером своим покажу им, как нужно исполнять долг по отношению к родителям. Это чувство мне родное. Его тогда только можно уничтожить во мне, когда в моих жилах застынет кровь. Вот почему я страдал и страдаю, вот почему я плачу, когда при достижении цели, к которой я стремлюсь, мне являются препятствия, заставляющие сомневаться в достижении этой цели!..

Я вполне надеюсь на себя. Я не пьяница, не развратник, не лишен знания нравственного закона и твер-

